

Александр Малий

Зачетный полет

18+

Александр Малий

Зачетный полет

«Автор»

2026

Малий А.

Зачетный полет / А. Малий — «Автор», 2026

Я не люблю обязательств, загоняющих меня в колею. Тогда я чувствую себя загнанным и обреченным. Я не люблю обязательств, но это... Это обязательство - на уровне жизненной потребности. Наверное, это уже и не обязательство, если оно входит в единение с твоим душевным настроением, становится потребностью, необходимостью донести свои чувства до других, не знающих. Поделиться с другими людьми своими воспоминаниями о человеке, который своей жизнью преобразовывал время, в котором он жил, делая его гуманней, краше.

© Малий А., 2026

© Автор, 2026

Александр Малий

Зачетный полет

От автора

Слово о Человеке

В нашей жизни много обязательств: писанных и неписанных, приятных и не очень; семейных, общественных, каких-то иных. Я не люблю быть обязанным кому-то, или чему-то. Это, в какой-то мере ограничивает, связывает. Ты уже, вроде бы и не принадлежишь себе, ты в служении, в подчинении.

Я не люблю обязательств, загоняющих меня в колею. Тогда я чувствую себя загнанным и обреченным. Я не люблю обязательств, но это...

Это обязательство - на уровне жизненной потребности. Наверное, это уже и не обязательство, если оно входит в единение с твоим душевным настроением, становится потребностью, необходимостью донести свои чувства до других, не знающих. Поделиться с другими людьми своими воспоминаниями о человеке, который своей жизнью преобразовывал время, в котором он жил, делая его гуманней, краше.

Он был моим начальником и учителем одновременно, на протяжении всех лет моего становления как личности, но это - по службе. А по жизни... по жизни о таких как он говорят: «Правильный человек». Коротко и емко. Как бы мне хотелось, чтобы когда-нибудь и обо мне кто-то сказал эти слова. Вряд ли... Знаю, мне никогда не дотянутся до моего учителя.

Может быть это странно, но его подчиненные, работники милиции, имеющие специальные звания: офицерские, сержантские, - практически никогда не обращались к нему по званию, независимо от того был ли он лейтенантом, как вначале своей карьеры, или подполковником, - когда ее завершал. Общепринятым было обращение: «Владимир Николаевич...». Даже в разговорах между собой мы называли его по имени и отчеству, реже, просто: начальник.

Наверное, два, а то и три поколения Боровского отделения милиции помнят Владимира Николаевича Гамору именно как начальника отделения. Представить отдельно этого человека от жизни райотдела, - будь то правоохранительная работа или участие в смотре художественной самодеятельности, шефская помощь сельскохозяйственным предприятиям или строительство помещения нового райотдела, - представить такое немыслимо. Он везде, но, опять-таки, хоть и странно, в любой служебной ситуации, когда необходимо его решение, санкция или просто деловой совет, он спокойно восседает у себя в кабинете и ты, определенно услышишь его немного ворчливое, для виду, наверное: - Ну, что там у тебя?

И не дожидаясь ответа, уже простертая рука к служебной папке: - Давай сюда, посмотрим.

Он был чужд всяческого праздношатайства и пустых разговоров: пришел - покажи, изложи суть; есть предложения - говори, нужен совет - слушай, а если уж решили - работай. Вроде бы немного схематично, даже суховато, но его профессиональное понимание, на самом деле, достигало самой глубины вопроса; все кратко и ясно: кое-где подправив, вставив слово или предложение, приведя пример из собственного опыта, он рисовал самый полный расклад по рассматриваемой ситуации. Даже при минимальном понимании вопроса сотруднику оставалась почти техническая работа.

Он немало приложил усилий, чтобы нас, желторотых пацанов, сделать действительно профессионалами своего дела. Но было и другое: он чувствовал, я бы даже сказал, знал, на что способен каждый из нас, где простор, а где предел для наших возможностей. Он никогда не требовал от сотрудника заведомо невыполнимых служебных заданий, таких, которые были выше его уровня знаний или подготовки. Если и можно о ком-то сказать: «Он видел людей насквозь», - то к Владимиру Николаевичу это относилось в полной мере.

Вместе с тем, он воспитывал в нас и чисто человеческие качества. В первую очередь - уважение. Как истинно уважающий себя человек, он не мог допустить унижения по отношению к другим людям. Можно было много и долго морализировать на эту тему перед своими подчиненными, но никогда не достигнуть желаемого результата. А можно было просто быть таким, жить таким!

И когда этот пример у тебя каждый день перед глазами, ты видишь эту высоту человеческого сознания, тебе невольно хочется стать рядом.

Наверное, от этого желания, встать рядом со своим начальником в любом деле, - наверное, это и было основой того уважительного, - не подбострастного, не подхалимского, - а именно, истинно уважительного отношения, которое испытывали сотрудники отдела к своему начальнику.

Не все было гладко. Были и нарушения дисциплины и нарушения законности. Чего скрывать... Все это было. Молодые хлопцы, только вчера получившие удостоверения работника милиции, были еще далеко не милиционеры, и испытание властью некоторые из них не выдерживали, впадая в раж вседозволенности.

Владимиру Николаевичу были неприятны заседания наших «товарищеских судов», как их называли. Это было видно по тому, как он, на протяжении всего этого действия, пока сотрудники высказывали свое мнение о проступке товарища, сидел молчаливо и почти отстраненно. Мы тогда еще не понимали, что каждый наш проступок он воспринимал как собственное поражение. А, как же: ведь это он давал окончательное добро на наше оформление в органы внутренних дел. Потому и переживал он наши проступки слишком тяжело. Во всяком случае, на подобных мероприятиях никогда не выступал и публично никого и никогда не осуждал. Пользовался своим начальственным правом принятия окончательного решения по делу нерадивого сотрудника. Где-то там, в тиши своего служебного кабинета, возможно в сотый раз, взвесив все «за» и «против», либо утверждал решение товарищеского суда, либо принимал свое. Но если и принимал свое решение, то оно было мягче, чем «приговор» товарищей. И дело тут было не в хлипкой жалости, просто понимал: оступился человек, поторопился, не подумал надлежащим образом, но потенциал-то есть, еще послужит людям...

Он и сам служил людям, и от нас того же ждал. Не воспринимал подхалимажа и лести, потому и не было желающих льстить, «служить» начальнику. Гиблое это было бы дело. Не держал Владимир Николаевич любимчиков и зла ни на кого не держал. Провинился – получишь взыскание, это уж точно, как бог свят. Никуда не денешься и никак не скроешь свой проступок, - узнает начальник, - а достоин поощрения – не переживай: не обойдут тебя в приказе, получишь что заслужил. Потому и обиды на Владимира Николаевича никто не держал, - чего ж обижаться, если все справедливо... Может и ушел кто с милиции с тяжелым сердцем, но хоть и не сразу, но все-таки понял: сам виноват.

В юности он мечтал стать летчиком, как и большинство мальчишек той довоенной и военной эпохи. Прошел курс подготовки в специальной, а потом и в летной школе. Но окончание его учебы совпало с началом новой, мирной жизни. Летчики уже стали не нужны. Надо было обустривать новое общество, которое, как оказалось, остро нуждалось в наведении надлежащего общественного порядка и восстановлении законности. Вчерашний выпускник летного училища стал сотрудником, а вскоре и начальником отдела милиции. Как показала жизнь – не только стал, но и состоялся.

В прошлом все кажется другим, может быть лучше, чем было на самом деле. Мои воспоминания, как и воспоминания самого Владимира Николаевича, воспоминания моих коллег, возможно, несут на себе невольный отпечаток ностальгии: о себе молодых, о времени в котором пришлось жить и работать, о людях с которыми свела нас судьба. Но важно одно: это была наша команда, а Владимир Николаевич, действительно, был для нас и командир, и отец. Это было наше время, мы привнесли в него частицу своего сердца и своей души.

Не знаю, кто вправе судить о наших делах: и милицейских, и чисто человеческих, повседневных. Но мне почему-то кажется, что я до конца своих дней, в этой будничной суете, буду останавливаться иногда, всматриваясь в белесые облака над головой, и мысленно спрашивать себя: - А что бы Он сказал...?

Раздел I

«О времени и о себе...»

Владимир Николаевич Гамора

Родился я 16 января, 1934 года, в городе Лозовая, Лозовского района, Харьковской области, о чём в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1934 года января месяца 16 числа произведена соответствующая запись за № 6.

Родители:

Отец - Гамора Николай Гаврилович, национальность – украинец

Мать - Гамора Любовь Михайловна, национальность - украинка

Место регистрации наименование и место нахождения бюро ЗАГС / Лозовской РАЙ-ЗАГС.

Дата выдачи 13 июня 1950г.

Печать. Гербовая.

Серия – ЯЩ, № 367562.

Подпись.

Отец в то время работал в должности служащего в горсовете города Лозовая. Мать - домохозяйка. Проживали мы

в однокомнатной коммунальной квартире.

Помню деда, Гавриила

Михайловича и его жену, мою

бабушку – Анастасию Ефимовну. Простые душевные люди. Дед работал

на железной дороге машинистом поезда, бабушка

- домохозяйка.

Отцовы братья - Иван и

Виктор, сестры – Екатерина

и Анна проживали в городе

Лозовая по улице Горького № 9.

Еще один родной брат отца - Гамора Александр Гаврилович, мой крестный отец, проживал в городе Лозовая отдельно.

ЛОЗОВАЯ, в ту пору - город областного подчинения, центр района, расположен на юге Харьковской области, в 148 км от города Харькова. Один из самых крупных железнодорожных узлов Южной железной дороги. Город пересекают железнодорожные линии Харьков – Донбасс, Харьков - Павлоград, Полтава - Красноград – Славянск; ветка, ведущая к Смирновскому карьеру и две автомобильные дороги: Мерефа - Лозовая и Изюм - Красноград. Население - 49,2 тыс. человек.

Исторически Лозовая возникла в конце 60-х годов XIX века во время строительства Курско-Харьково-Азовской железной дороги.

В 1868 году началось строительство железнодорожной станции, названной Лозовая. 23 декабря 1869 года через Лозовую прошел первый поезд. Это было началом железнодорожного движения на линии Харьков – Ростов на Дону. Четыре года спустя началось строительство железной дороги от Лозовой до Севастополя, вступившей в строй в 1875 году. Одновременно с сооружением станции возникло и одноименное поселение. В 90-е годы здесь уже насчитывалось 246 дворов и 2135 жителей. Поселок разделился на две части: Зарудновскую и Авиловскую. Зарудновская часть поселка входила в Новоивановскую волость, Авиловская - в Екатериновскую волость, Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.

... Шли годы... До дня моего рождения, как непосредственно город Лозовая, так и населенные пункты района, как говорят, росли и ширились, и ввысь. Особый размах в развитии города происходит в годы социалистического строительства, в годы первых пятилеток. Это действительно были годы созидания и строительства. Практически все, что мы имеем сейчас, в своей основе было заложено в годы советской индустриализации и было результатом неимоверных усилий рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции. Люди порой отказывали себе в элементарных бытовых условиях, с единой целью: построить достойное будущее для своих детей и внуков. И это строительство было зримо и ощутимо. Вырастали не только новые корпуса производственных зданий, но и больницы, школы, детские сады. Усиленными темпами велось жилищное строительство.

В 1936 году в нашей семье пополнение - родился мой меньший брат Анатолий. Все было бы хорошо, если бы не Советско-Финляндская война 1939-1940гг., которая возникла в результате политики реакционного правительства Финляндии, превратившего территорию своей страны в плацдарм для возможного нападения агрессивных стран на СССР. Враждебная позиция Финляндии создавала серьезную угрозу нашим северо-западным границам и непосредственно Ленинграду. Ведя подготовку к войне, Финляндия особое внимание уделяла созданию укреплений в приграничных районах и, главным образом, на Карельском перешейке, а это в 32 км от Ленинграда.

Финляндию финансировали Великобритания, Франция, Швеция, Германия и США. На их средства была построена линия Маннергейма, мощная оборонительная линия, которая считалась неприступной в военном отношении, так как была глубоко эшелонированной, техни-

чески сильно оснащенной. Советское правительство, проводя политику мира и испытывая озабоченность в отношении безопасности СССР в условиях усиления немецко-фашистской агрессии в 1938-1939 годах, неоднократно пыталось улучшить взаимоотношения с Финляндией.

Еще в апреле 1938 Советское правительство предложило Финляндии начать переговоры о заключении пакта о взаимопонимании, но Финляндия отклонила это предложение. В обстановке начавшейся в 1939 году Второй мировой войны, Советский Союз в октябре 1939 года снова предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, но финляндское правительство ответило отказом и, провоцируемое США, Великобританией и Францией, а также гитлеровской агентурой, заняло враждебную позицию в отношении СССР.

13-14 октября в Финляндии была объявлена мобилизация.

Поскольку, финляндское правительство не шло на заключение договора о взаимопомощи, Советское правительство, 14 октября 1939 года, предложило свой вариант урегулирования назревающего конфликта. Представленный советской стороной вариант соглашения выглядел следующим образом:

1. Финляндия переносит границу на 90 км от Ленинграда.
 2. Финляндия соглашается сдать в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко для постройки военно-морской базы и размещения там четырёх-тысячного воинского контингента для её обороны.
 3. Советскому военному флоту предоставляются порты на полуострове Ханко в самом Ханко и в Лаппохья.
 4. Финляндия передает СССР острова Гогланд, Лаавансаари (ныне Мощный), Тютяrsaари и Сейскари.
 5. Существующий советско-финляндский пакт о ненападении дополняется статьёй о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, враждебные той или другой стороне.
 6. Оба государства разоружают свои укрепления на Карельском перешейке.
 7. СССР передаёт Финляндии территорию в Карелии общей площадью вдвое больше полученной от финской стороны (5529 км²).
 8. СССР обязуется не возражать против вооружения Аландских островов собственными силами Финляндии.
- Таким образом, СССР предложил обмен территориями, при котором Финляндия получила хотя и менее, стратегически ценные территории в Восточной Карелии, в Реболах и в Пораярви, но более обширные территории.

Хотя это и не затрагивало суверенитета Финляндии, однако она отвергла советское предложение.

После срыва переговоров финляндское правительство уклонилось от рассмотрения новых советских предложений и привело войска в боевую готовность. Стало ясно: Финляндия готовит войну, западные капиталистические страны окажут ей всяческую поддержку.

К концу ноября 1939 в финляндских вооружённых силах насчитывалось до 600 тыс. человек и имелось 9 пехотных дивизий, 5 пехотных бригад, 5 отдельных пехотных полков, 22 отдельных пехотных батальона, 1 кавалерийская бригада, около 900 орудий, 60 танков, которые поддерживались ВМФ (29 боевых кораблей) и ВВС (до 270 боевых самолетов). Главные силы сухопутных войск - армия генерала Х.В. Зетермана (6 пехотных дивизий, 4 пехотных и 1 кавалерийская бригады и несколько отдельных батальонов), - сосредоточились на Карельском перешейке. На мурманском, кандалакшском, охтинском, непольском и петрозаводском направлениях были созданы специальные группы и объединения. Общее командование осуществ-

лял маршал К. Маннергейм. В стране была развернута антисоветская кампания. Рассчитывая на помощь и поддержку западных держав, финляндская военщина 26 ноября вступила на путь вооружённой провокации на границе.

Советское правительство предложило Финляндии отвести войска на 20-25 км, но она не приняла этого предложения и пошла на дальнейшее обострение обстановки. 28 ноября Советское правительство было вынуждено денонсировать договор 1932 о ненападении с Финляндией.

26 ноября финны произвели артобстрел территории СССР у населённого пункта Майнила. Руководством СССР вина за этот инцидент была возложена на Финляндию.

Уже 29 ноября 1939 года мой отец Гамора Николай Гаврилович и крестный отец Гамора Александр Гаврилович были призваны в ряды Красной Армии.

В тот же день, 29 ноября, финские войска повторили провокационные действия на границе.

Учитывая это и, в ответ на явную угрозу нападения на Советский Союз, войска Ленинградского военного округа, утром 30 ноября, при поддержке Северного и Балтийского флотов, перешли в наступление на фронте от Баренцева моря до Финского залива. Со стороны Советского Союза это был вынужденный шаг. Даже уже когда начались военные действия, Советское правительство предложило Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи на самой широкой основе. Однако это предложение было отвергнуто правительством Финляндии, которое 30 ноября объявило войну СССР.

Войска Ленинградского военного округа (командующий ко-мандарм 2-го ранга А.Мерецков, член Военного совета А.А. Жданов), развернулись на фронте, протяженностью 1500 км. На мурманском направлении действовала 14 армия (две стрелковые дивизии), на кандалакшском, ухтинском и ребольском - 9-я армия (3-и стрелковые дивизии), на петрозаводском - 8-я армия (4-е стрелковые дивизии). На Карельском перешейке была задействована 7-я армия (9-ть стрелковых дивизий, 1 танковый корпус, 3-и отдельных танковых бригады, 3 артиллерийских полка). Боевые действия поддерживали 9 авиаполков и Балтийский флот.

Планом операции предусматривалось сковать финские войска в Северной и Центральной Финляндии, а войсками 7-й армии нанести главный удар на Карельском перешейке в общем направлении на Виипури (Выборг) и на 9-10 сутки наступления выйти на рубеж ст. Хинтола – Выборг.

Боевые действия велись на озерно-лесистой местности в условиях суровой зимы (от минус 40 до минус 45 градусов по Цельсию) и глубокого снежного покрова, исключавшего возможность движения вне дорог. Наиболее тяжелые бои развернулись на Карельском перешейке. Войска 7-й армии, которой командовал командарм 2-го ранга В.Ф. Яковлев, а с 9-го декабря – командарм 2-го ранга Мерецков, при поддержке авиации и флота, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигались вперед. В итоге ожесточенных боев им удалось к 12 декабря преодолеть сильную оперативную зону заграждений, глубиной 25-65 км. и выйти к переднему краю главной полосы обороны «линии Маннергейма». 29 декабря Советское командование приняло решение прекратить дальнейшее наступление на Карельском перешейке и начать планомерную подготовку к прорыву «линии Маннергейма». Балтийский флот (командующий - флагман 2-го ранга В.Ф.Трибун) овладел рядом островов в Финском заливе и блокировал побережье Ботнического и Финского заливов. Севернее Ладожского озера наступали: 14-я армия (командующий - комдив В.А.Фролов) при поддержке Северного флота (командующий - флагман 2-го ранга В.П.Дрозд); в Заполярье на петсамском направлении: 9-я армия (командующий - комкор М.П.Духанов, с середины декабря В.И.Чуйков), на кандалакшском, охтинском и ребольском направлениях 8-я армия (командующий - комдив И.Н.Хабаров, с января – командарм 2-го ранга Г.М.Штерн). Войска этих армий прорвали пограничные укрепления противника и, сломив его сопротивление, к середине декабря с боями продвинулись на

значительную глубину. 7 января на Карельском перешейке был образован Северо-Западный фронт (командующий - командарм 1-го ранга С.К.Тимошенко, член военного совета Жданов), в составе 24-й стрелковой дивизии, танкового корпуса, 5 отдельных танковых бригад, 21 арт-полка, 23 авиаполков.

Северо-Западный фронт имел задачу – прорвать “линию Маннергейма”, разгромить основные силы противника на Карельском перешейке и на 13-18 сутки выйти на рубеж Кексгольм – ст. Антреа-Выборг. Главный удар наносился в общем направлении на станцию Антреа. Для глубокого обхода Выборгской группировки противника через Финский залив была создана резервная группа Главного командования в составе 1 корпуса, 3 стрелковых дивизии и танковой бригады.

Западные капиталистические страны не оставили без внимания происходящие события. Великобритания поставила в Финляндию 75 самолётов, Франция приняла решение поставить Финляндии 179 самолётов. Швеция поставила в Финляндию 29 самолётов, 112 полевых орудий, 85 противотанковых орудий, 104 зенитных орудия, 500 единиц автоматического стрелкового оружия, 80 тыс. винтовок. Правительство Дании продало Финляндии около 30 штук 20-мм противотанковых орудий и снаряды к ним.

Представитель правительства США выступил с заявлением, что вступление американских граждан в финскую армию не противоречит закону о нейтралитете США, в Хельсинки была направлена группа американских лётчиков, а в январе 1940 года конгресс США одобрил продажу Финляндии 10 тыс. винтовок.

...Кому война, а кому... Моя мать - Гамора Любовь Михайловна, именно в это время, поспешила оставить двух мальцов – меня и братика Анатолия на попечение бабушки Гаморы Анастасии Ефимовны, а сама, в порыве новых любовных чувств, со своим новым молодым избранником укатила на Юг.

11 февраля войска Северо-Западного фронта после 2-3 часовой артподготовки перешли в наступление. В результате ожесточенных боев войска 7-й армии прорвали главную полосу “линии Маннергейма” и подошли ко 2-й полосе. Войска 13-й армии прорвали передовую позицию “линии Маннергейма” и подошли к главной полосе. Финское командование, опасаясь выхода советских войск в тыл основной группировки, в ночь на 17 февраля начало отводить свои войска на главную (в полосе наступления 13-й армии) и вторую (в полосе наступления 17-й армии) полосы “линии Маннергейма”. Войска 7-й армии к 21 февраля вышли ко второй полосе, а войска 13-й армии к главной полосе “линии Маннергейма”, но прорвать их сходу не смогли. Войска 9-й, 8-й и 15-й армий, наступавшие севернее Ладожского озера, также продвинулись вперед. После паузы советские войска 28 февраля возобновили наступление. Они сломили сопротивление противника, вынудили его начать отход по всему фронту, и, развивая наступление, охватили выборгскую группировку финских войск с Северо-Востока, овладели большей частью Выборга, форсировали Выборгский залив, обошли Выборгский укрепленный район с Северо-Запада, перерезали шоссе на Хельсенки.

Падение “линии Маннергейма” и разгром основной группировки финских войск поставили противника в тяжелое положение. Не спасла его и помощь со стороны западных держав, которые за время войны передали Финляндии 350 самолетов, 1500 орудий, свыше 6000 тысяч пулеметов, около 100 000 винтовок, 2,5 млн. снарядов и другого вооружения.

12 марта в Москве был подписан Советско-Финляндский мирный договор 1940 года, а 13 марта военные действия были прекращены. По условиям договора граница была отодвинута на Карельском перешейке (на 150 км от Ленинграда), Северо-Западнее Ладожского озера и в районе Куоляярви. СССР была передана часть территории на полуостровах Средний и Рыбачий и предоставлен в аренду на 30 лет полуостров Ханко. СССР обязывался вывести свои войска из района Петсамо (ныне Печенга). В ходе войны Советский Союз обезопасил свои Северные границы, что в условиях угрозы с Запада, со стороны «дружественной» Германии имело

немаловажное значение. Красная Армия получила опыт по прорыву мощного укрепленного района в условиях суровой и снежной зимы, который был использован в дальнейшем развитии тактики, оперативного искусства и в боевой подготовке войск.

... Отца отозвали из рядов Красной Армии, мать разыскали, состоялся суд; по решения суда Лозовского района я попал на воспитание к отцу (как старший), а меньший брат Анатолий – к матери.

В июне месяце 1940 года отец вторично женился и я, совместно с ним, выехал из города Лозовая в село Козлово, Михайловского сельсовета, Лозовского района Харьковской области. У приемной матери (Лысенко) Гаморы Серафимы Ивановны была дочь – Александра, на два года старшая за меня (1932 года рождения). В селе Козлово проживала бабушка Александры Лысенко (имя и отчество, к большому моему стыду, уже не помню). Из родственников матери (приемной) в этом же селе проживала родная сестра Сара с дочерью Валентиной, а в поселке Карачевка (не далеко от города Харькова), родная сестра Софья с дочерью Зинаидой.

Отец и мать работали в колхозе, мать дояркой, а отец – разнорабочим. Помню, в хозяйстве у нас была корова по кличке «Зорька», которой я со сводной сестрой рвали траву для вскармливания. Были и куры, и петух (драчун), который громко кукарекал и очень больно царапался когтитыми шпорами, когда мне удавалось его поймать. Почему-то эти детские воспоминания глубоко сидят в моей памяти и каждый раз, когда я мысленно обращаюсь к тем годам, они тут же всплывают предо мной.

Школы в селе Козлово не было. Ближайшая неполная средняя школа располагалась в селе Ильково, за 3 километра, к тому же по дороге к ней необходимо было преодолевать водную преграду – водоем Бритаи, ширина которого местами достигала 300 и более метров, как, например, в районе хутора Равнинное. Там, кстати, находилась одна из колхозных бригад: небольшое поселение (14 домовладений); взрослые работают, в основном, в животноводстве, вокруг деревенское раздолье: луга, сенокосы и сараи для содержания коров, телят.

Другая НСШ - в селе Михайловка, за 7 километров от села Козлово. Так что выбор не велик: ближе, но опаснее, – безопаснее, но дальше.

Детские годы – играл в футбол. Мяч, что естественно для того времени, из тряпья. Такими же тряпками он «ремонтровался», когда под нашими ударами рассыпался в клочья.

Еще - гонял колесо по улицам деревни. Старое велосипедное колесо катилось по битой дороге при поддержке небольшой палочки, которая помещалась по центру колеса, как раз в самой впадине. Необходимо было приловчиться и толкать колесо этой палочкой, и, в то же время, управлять колесом на поворотах. Верхом виртуозности было бежать с этим колесом, лихо закладывая его в немыслимые повороты. В детских наших играх было не так много разнообразия, чаще всего играли в «квача» и в «знамя».

Вскоре грянула Великая Отечественная война. Отца призвали в ряды Красной Армии защищать нашу Родину. В школу я пошел в 1-й класс уже при оккупации. Все чаще, помню, поднимал я голову вверх, наблюдал за самолетами: фашистскими, со свастикой – паукообразным крестом и советскими, – «ястребками» с красной звездой. Помню в Букваре, моем первом учебнике, портреты Ленина и Сталина были перечеркнуты. Чернила делали из «волчьих ягод», которые рвали в полезащитной посадке. Вместо портфеля была сшита матерчатая сумка, которая носилась через плече.

Город Лозовая и железнодорожная станция – стратегический объект. Оттого бои за них были жестокие и продолжительные. Бомбили не только город Лозовую и железнодорожный узел, но и села. Помню, как собрала мать все наше богатство, погрузила на «тачку», корову впрягла в эту «тачку», взяла нас на руки и двинулись мы в путь, за село, в балку. Спасались от бомбежек не только мы, но и все жители села Козлово. А он, фашистский стервятник, по такому беззащитному кортежу строчит из пулемета, поливая нас горячим свинцом. Вскоре в селе появились и оккупанты: немцы, но в основном румыны, мадяры.

В городе Лозовая трагедия. В одну из бомбежек на участок по улице Горького номер 9 упало две бомбы. После их взрыва от домостроений остались руины и две больших воронки. Дедушка Гавриил и его сын Виктор были убиты. Бабушка Анастасия Ефимовна собрала остатки от тел сына и мужа и, преодолевая глубокую скорбь, все же смогла их захоронить на кладбище. Вскоре из города Павлограда бабушка забрала из концлагеря дочь Анну – раненную в бедро левой ноги.

Жили мы в полуразрушенном сарае, пока не построили домик – кухню с плиткой и комнатушку, в которой стояло две кровати.

В один из дней октября месяца 1942 года «радостная» весть облетела жителей села Козлово – обрадовала своим посещением домовладение Гаморы Серафимы Ивановны родная мать моя – Резанова Любовь Михайловна (бывшая Гамора Л.М., девичья - Воронкова Л.М.). Как оказалось, цель ее приезда – забрать с собой когда-то рожденного ею дитя – сына, вернее меня – Гамору Владимира Николаевича. Причем, появилась она в селе не сама, а в присутствии представителя власти, – полиция. Приемная мать – Гамора Серафима Ивановна ей воспротивилась и отдавать меня отказалась. Я быстренько оценил ситуацию и стремительно шмыгнул со двора. Потом я пристально наблюдал продолжение этой сцены из зарослей «дерезы», высокого, как по моему росту, колкого кустарника, покрывающего ближайшую к дому территорию. К моей поимке были подключены полицаи, но поиски с «представителями власти» ни к чему не привели. Я незаметно отдалился от дома. К вечеру незваная «мать» покинула территорию села Козлово. Александра, моя сестренка, меня разыскала, и спал я дома. Вот только бытовые условия наши значительно ухудшились. Мать не ушла просто так, а унесла с собой пуховую подушку и козых отцов, которым мы со сводной сестрой укрывались, ведь спали вместе, на лежанке печи.

На оккупированной территории жизнь не прекращалась. Взрослое население в деревне выходило на работу. Колхозное хозяйство никто из жителей села не грабил. Двери, окна никто не вытаскивал, стен помещений сараев, амбаров не ломал.

Пройдут годы и уже в постперестроечной Украине, все повторится с точностью до наоборот. Колхозное имущество растащат и развалят, землю «справедливо» разделят, колхозников лишат стабильного заработка, а большую часть колхозного крестьянства лишат работы вообще. Животноводство практически уничтожат, а полеводство сведется к выращиванию подсолнуха и частично - ранних зерновых. Бывшие колхозники, - кто сопьется от безделья, кто поедет на заработки, разрывая семейные узы, разрушая извечный семейный уклад. Кто-то бросит себя в непосильное домашнее хозяйство, заведя по три-пять коров, чтобы хотя в такой способ, как-то заработать на оплату учебы для своих детей в высших учебных заведениях. Бесплатная учеба, как и бесплатное здравоохранение, канут в Лету. Будут практически уничтожены все завоевания социализма, особенно в социальной сфере. Человека, гражданина низведут до состояния рабочей силы, что правильней бы было назвать рабочей скотиной.

Все это будет делаться под видом борьбы с «тоталитарным прошлым». Репрессии 1937 года, уже осужденные в свое время в СССР, благодаря стараниям наших заокеанских, и в первую очередь, американских «друзей», станут лживой сущностью придуманной ими историей нашей страны. Советский человек, человек-созидатель, человек, который к концу двадцатого века вывел свою страну в мировые лидеры производства и социального устройства превратится, благодаря заокеанской пропаганде, в некое ужасающее жестокое и тупое создание, не способное самостоятельно ни управлять государством, ни строить его. Героями «нового времени» станут вчерашние представители праворадикальных, по сути террористических организаций Бендеры и Коновальца. Экономическая власть безраздельно будет подчинена американскому доллару, а политическая власть в стране перейдет в руки криминально-клановых группировок, которые станут действовать по принципу: «Разделяй и властвуй».

Все это будет прикрываться идеей независимости и самостоятельности страны, хотя в условиях экономической зависимости от Запада и криминально-хищнической деятельности собственной буржуазии, все это будет не больше чем красивой сказкой для простаков.

Все это будет потом. А пока, мы в оккупации. Учащиеся в школу ходили, но не регулярно. Довольно часто слышны были

выстрелы. В годы [Великой Отечественной войны](#) Лозовая несколько раз переходила из рук в руки. Первые

подразделения [вермахта](#) вошли в город 11 октября 1941 года,

ожесточённые бои проходили и в [1942 году](#), во время

наступательной операции [Красной армии](#).

27 января 1942 года город был освобождён от германских

войск войсками [Юго-Западного фронта](#) в ходе [Барвенково-](#)

[Лозовской операции](#), 23 мая 1942 года вторично оккупирован. 11 февраля 1943 года, вновь освобождён от германских войск

советскими войсками [Юго-Западного фронта](#) в

[ходе Ворошиловградской операции](#), а 1 марта 1943 года оккупирован в третий раз.

Во время оккупации в городе находился [концлагерь](#) для советских военнопленных. В Заячьей балке были расстреляны тысячи пленных и евреев. Германские войска в полной мере покажут свое человеконенавистническое, звериное лицо. Как ни странно, но до 1944 года только Советский Союз нес на себе тяжелейшую ношу борьбы с фашизмом. Западные демократии будут занимать позицию выжидания: кто - кого? И только с коренным переломом в Великой Отечественной войне станут на сторону советского народа. Пройдут десятилетия и те же демократии, которые прятались и выжидали в военное время, договорятся до того, что поставят на одну доску наш социалистический строй, уничтоживший фашизм во всем мире и, собственно, нацистскую Германию, принесшую и нам и всему миру неисчислимые страдания и беды. Они представят в извращенном свете великую освободительную борьбу советского народа, направленную на уничтожение фашизма, как драку за власть двух диктаторов: Гитлера и Сталина. Все это будет продолжением ихней борьбы с социализмом, с которым они, в свое время, смирились под угрозой фашистского порабощения. Но как только эта угроза миновала, они принялись очернять и умалять мировое значение нашей Победы, доказывать всему миру нашу несостоятельность, как нации, как народа. Эта борьба продолжается и будет длиться до тех пор, пока наш народ, учитывая горький опыт предыдущих поколений, отвергнув насилие и единоличную власть, с учетом интересов всех социальных слоев, не построит новое, действительно народное, демократическое социалистическое общество и не доведет остальному миру его превосходство над капиталистическим. Либо же мы и дальше будем сползать в трясины безработицы, инфляции, дороговизны, попрания общечеловеческих прав и свобод.

На примере Лозовой можно показать, что с фашистами боролась не только Красная Армия, но и весь народ. Население города и района не склонило покорно головы – действовали подпольные райкомы партии и комсомола. Подпольщики неоднократно выводили из строя транспорт, несколько раз останавливали турбину, которая давала энергию для депо, спрятали свыше 400 тонн хлеба и снабжали им семьи советских воинов и партизан. В условиях жесткого террора, подпольщики распространяли среди населения сообщения Совинформбюро, выпускали листовки, воззвания к населению, передавали на Большую землю сведения о расположении частей и военных баз врага, разоблачали злодеяния фашистов, поднимали трудящихся на борьбу с оккупантами. С 22 мая 1942 года по 16 февраля 1943 года в городе действовала подпольная партийная организация. Возглавил организацию мастер вагонного депо А.И. Немченко, а после смерти А.И. Немченко, руководителем подполья стал советский военнопленный - майор И.П. Мезенцев (дядя Ваня).

В городе активно действовала подпольная комсомольская организация, возглавляемая Н.А.Немченко. В подпольную комсомольскую группу входил Н.Н. Хитушенко, А.Г. Мелашенко и В.Г. Мелашенко, Е.С. Таран и В.С. Таран, В.Г. Шелдугина, А.Ф. Чередниченко. Патриоты нарушали линии связи, распространяли листовки, мешали продвижению вражеских эшелонов, устраивали побеги советских военнопленных из фашистского лагеря смерти.

Лозовской отряд имени Котовского, в количестве 32 человек, во главе с командиром Н.И.Воронцовым и комиссаром Я.И. Гуртовым в сентябре 1941 года, решением командования был переброшен в Вегеровские леса Сумской области. Подвиги многих народных мстителей отмечены высокими правительственными наградами. Командир отряда Н.И. Воронцов награжден двумя орденами Красного Знамени.

Исключительный героизм проявила советская патриотка, кассир универмага Лозовского железнодорожного отделения В.И. Шевченко. Отступая, фашисты решили подорвать склад боеприпасов, находившийся на территории теплоэлектростанции. Об этом узнала В.И. Шевченко. Она предотвратила катастрофу, перерезав бикфордрв шнур. Фашисты схватили В.И. Шевченко и ее 17-тилетнего сына Юрия и расстреляли их, но жизнь сотен людей была спасена.

Военный врач коммунист С.Г.Домбровский, в мае 1942 года, в районе Лозовой попал в плен. Хорошо владея немецким языком, он сумел войти в доверие к оккупационным властям. Вскоре его назначили главным врачом Лозовской районной больницы. Пользуясь своим служебным положением, он вместе с другими членами подполья, работниками больницы, лечил раненых советских воинов, попавших в плен. Домбровский, был членом оккупационной комиссии по отбору молодежи для отправки в Германию и, пользуясь своим положением, многих освобождал, приписывая им разные болезни. Немецкая полевая жандармерия арестовала С.Г. Домбровского, но и после его ареста советские патриоты, его соратники, в глубоком подполье продолжали вести героическую борьбу против гитлеровских оккупантов.

Фашистское командование придавало большое значение Лозовой, как стратегическому пункту и узловой станции, которая была воротами к Донбассу. Гитлеровцы превратили ее в базу снабжения своих воинских частей. Через Лозовую они перебрасывали войска, продовольствие, оружие в Крым, Донбасс, на Кавказ, в Харьков. В городе размещались также склады 17-й немецкой армии, госпитали, штабы, гестапо, полевая комендатура, полиция, управа, карательные отряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.